

Елена Игнатова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Страстная неделя.

В движенъи реки была стройность псалма,
Библейских садов шелестение-в елях.
В апреле уже забывалась зима
И теплилась жизнь на вершине холма.
Тянулась Страстная неделя.

- Ну что тебе Страсти Христовы, когда
И собственной боли умеешь не слушать?
- Не знаю, откуда мне эта беда -
Зловещее солнце и чада у рта,
И смертное бремя на плу.

- Ну что тебе Страсти Христовы? Смотри -
Топочет весна в городском хороводе,
Деревья подтаивают изнутри,
Под солнцем дымится теперь, пустыри,
Движенъе в плененной природе.

Не знаю, не знаю... Но эти семь дней
Мерцались, сердцу больному Голгофа
Среди городских раскаленных камней,
Где проволока в небе и солнце над ней,
Пустыня. И горечь. И грохот.

Жена Лота.

- Ты обернешься?

- Нет.

Ты обернешься... -

- Нет.

- И в городе своем
Увидишь яркий свет,

Почуешь едкий дым -

Пылает отчий дом. -

О, горе вам, саны -

Гоморра и Содом.

Не обернусь. Святим
Давно — соблазн бороть.
По рекам золотым,
Несет меня Господь.

— По рекам золотым
Несет тебя Господь,
А там орет сквозь дым
Обугленная плоть.

— О чем ручки поют?..
— Там пепел и зола.
Над ангелом встанут
Два огненных крыла.

— Они виновны.

— Так.

— Они преступны..

— Так,

На грешной наготе
Огня расправлен знак,
Ребенок на бегу —
Багровая звезда..
Ты плачешь?

— Не могу...

Всем поворотом:

"Да".

Стихи сыну

2

Хлебный ангел, ангел снежный, ангел, занятый косьбой —
все три ангела, три ангела кружатся над тобой.
Опускаются, хлопочут, целый день снуют вокруг,
только крылья разноцветные раскрыты на ветру.
Хлебный ангел месит тесто, затевает пироги,
целый день слышны у печки его легкие шаги,
хохолок мелькнет пшеничный, локоть выпачкан в золе.
Ставит квас, качает люльку, чтобы мальчик не болел.

Ангел жатвы и покоса проживает на дворе,
у него лицо и плечи облупились на жаре,
косит сено, возит просо, из рожка поит телят,
его очи голубые ночью в небесах горят.

Белый ангел, ангел снежный, холоднее ролика,
твой высокий трубный голос так понятен старикам,
что за речи на рассвете ты усталым говоришь?
Чистым снегом засыпаешь, чистой памятью паришь.

Вслед за травами и хлебом наступает время сна —
свет и холод, даль и небо, расщепленные пополам,
слабый шелест, сладкий голос, ангел леденее льда...
Врачеванье легкой болью — всех потерь, всего трупца.

Здесь, где живу и о точках жизни
истачивая сердце всякий пенек,
здесь, где со мной умрут мои деревья,
мой деревню доплзень разлавит,
/и жизни след — полировальной тряпкой
дыханья влагу — со стола сотрут/
я так любима, Господи, Твой мир!

Я, женщина, в творенье постигала
Творца, непостижимый этот Свет,
сраженная миллионами примет,
я Сущее в ничтожном осызала,
пять наших чувств — их смехотворно-мало,
но вера есть — и ей границы нет!

Ночами ветер Твоего дыханья:
пульсация светил, и с высоты
срывается звездопад.

А в мировчанье,
просторном, словно петская, сачи,
леса шумели. Люди спали. Ты
смирят их шорох, сдерживал дыханье.

Всего родней и ближе поняла
я о Тебе в степи, где травы кровью
вспомни воздух, звезды... Ночь текла
огромными пространствами. Была
я меньше пыли в вечной этой нови
движения гигантского. Спала -
и вдруг очнулась, зная - в изголовье
два несказанных, радостных крыла!

Лепесток горбатый рози,
мышка за хвост пролетела в петлицу, -
петиметр болотной столицы -
вот твой портрет.
Комната на рассвете -
из дома сирот: кирпич, подрубленный косо...
Вечный ответ в вопросе:
- Ты меня любишь?

- Как никого на свете!
вопрос в ответе...

В чайное блюдце зимы мы пьем вместе,
ее узоры легли на сердце.
Резу из черной бумаги профиль... ..
Серчатся

твои губы под мягким нажимом ножниц.
Приснися, жених невесте!
Приснится. Позже.
Петиметр промокнутой столицы
и насузданная девица
стоят под петропавловским шпилем,
глядят на весну сурово...
Я тебя позабыла,
домню, что имя было
детское - "Лева".

Памяти друга.

1.

Смерть — помовитая ласточка, каждому сору и мимо-
летающему трепету крылышек ведает место и вкус.
Тоньше соломинки ставший любимый
его настегнут и спрятан в сияющий, плачущий куст,
в страшном гнезде предпрожизненной муки хранимый...
Я не увижу ни глаз его больше, ни уст.

Я ли бессмертье сулила? И на траве, в подмосковье
помню разрез удивленный глаза и рапужной — тьму...
"Любишь?" — начавшись, записка кончалась "с любовью",
замкнутый круг образуя... Кружилась моя голова!
Кончен пробег. Ты умрешь голодающей кровью,
я разлюбила. Жива.

О на земле, под землей, оплетенная сетчатой тенью,
что прокричит сирота, чтоб оттянуть переход?
Что отыскать суждено в посмертном пылающем сене?
Только игла уколола.. И открывается ход
из глубины. По ступеням
он подымается, слабое пламя несет...

2.

И вот очнулось нищее страданье,
уже не помня, причитать до ком.
Но слабый гласный пар под языком,
растенья слов, излучины молчанья
пугали, оплетали душу и
градемо небо, облетали листья,
когда пытались губы о любви
проговорить, а робкий ум — промыслить.

Я поняла, разбившись о край
сосуда боли, кремниевой чашки —
срастается за ними жизнь моя,
и никогда уже не будет — наша.
Так полусахлебнувшийся зверок,

еще цепляясь за ковчег лица,
не видит, что его звериный бог,
когтями раздвигая воды, ищет...

Вот и ты возвращаешься в благословенную землю.
Пахнет воском и деревом в старых московских церквях,
там, где у Богородицы плечи в узорных платках,
где прилежные лица святые к высотам поднимают,
где багровое золото гневно горит в небесах,

Да и ты возвращаешься, перегорев по конца,
ничего не жалея из жизни, разменной мелкой.
"Вот я — наг и безродец..."

Материнские плечи померкли,
и печалью полна драгоценная чаша лица,

Возвращаешься в трудный круговорот бытия,
в жернов мельничный...

гулит вода, уходя из запруды,
мальчик гонит козленка, и мать его шьет у ручья,
и тяжелого света стекает на жернов-струя...
Все — в начале пути, в ожидании чуда.

Мне в этом городе не выпасть из плена
орлов Екатерининской эпохи,
хоть вымерли они...

Да и мои дела,
признаться, плохи.

Разбег невероятный есть в граните,
и ракет грань бессмертия и смерти,
живое тело делят пополам...
Орлы Екатерины — нынче к вам!

Спас-на -крови.

Теперь скажу - великолепный Спас
Поставлен на крови царя и террориста.
Сюжет трагический.

Но отчего ребристый,
Лазоревый, глазурный, в завитках,
Собор сверкает весело для глаз?
/О, Александр больной, о, нищий Гриневицкий!/
.....

Две горсти праха спорят до сих пор:
- Тиран, правитель, если б знал ты тяжесть!
- Дурак, мальчишка, если б знал ты тяжесть..
Но общая их повенчала тяжесть -
Опывшийся глянец, лакомый собор.

Ай, молодцы художники России -
Отправновали, счистили, замыли,
Любая кровь - фундамент для искусства!
И молодцы сапожники России -
Собор под склад сначала запустили,
Потом взорвать хотели, не забыли,
И он стоит посель, смертельно-пуст,
Неясный символ, странное строенье -
Храм Светлого Христова Воскресенья!

.....

Все протяженья брошенной столицы
вмещается в едкий перелет
чирка болотного. Но страшно сельской птице
на празднике огня и света появиться,
и воздух нежилой над городом течет.
Здесь камешный народ, который целый день
карниз подпирал, стоял в неловких позах
на крышах. Он дает себе короткий отдых:
простолюдин античный любит лень,
игру в щелчки, катание на козах.

Пока мы заперты в свои дома,
пока мы беззащитны перед снами,
мелькают пятки бронзовые...

Хопят кони табунами..

И улица легла,
Обнажена
Перед ночными плясунами...

.....

1

Я повстречала равнину в рваной рогоже,
Я полюбила холмы, оползавшие древней кожей,
Крупную соль, подморозка, мятную стужу,
Голубизны ролика-око наружу.
Мне говорят: "Обернитесь на жизнь и воспойте строенья! :
Глянула я - и прыщавый бетон оцарапал мне зренья,
А присмотреться - железные рабра сочатся проступой,
Сетки ячеек жмых перчатся чулом.

А за домами закат яркий играет
И черноряска - равнина бредит о рае...
Хляби лежат под землей, мерзлые трубы.
Слабых лесов городских синие губы.

Но обмороженным сердцем, робостью ока
Я дрилепила к равнине, спящей глубоко
Под чешуей голубой рыбьего меха,
Где полуглавья холмов - полости эха.

.....

Лес в грозе. Растворяется в пламени лес,
Подломилась колени его, обгорают коренья,
Захит кровью кипящей, он начал свое воспаренье,
Миской дыма встает до небес.

От земли отрывается - как он теперь неуклюж,
Словно дынный колосс, облака разгребает руками.

Вместо птиц и зверей сотни крохотных спекшихся душ,
Торопливо взбираясь, царапают твердь коготками.

И на место, где он, прицеливая конец, изнемог,
В этот пепел прожженный, едкую жирную гущу
Плоти брошенной — льется с небес кипятком...
И пожарище стонет, пугая живущих.

.....

Когда на деревню плещет гроза кипятком,
берег разбила река и повалено жито,
бьет Илия-пророк по облакам молотком,
а облака грузны, градом набиты.

Но открывається короб небесных сластей —
поле согреет, лесные гостинцы тешат,
и Богородица нежит небесных петеи,
чинит рубахи им, мягкие волосы чешет.

Малым на радость Нисский рисует в полях
скользящий закатный возлук, потные крыши,
как молоком наливается к ночи земля,
месяц прозрачный... и самолет выше.

.....

Что отвечу тебе? Коли эта страна немых,
и другая судьба полагает торопливые знаки,
так постромки сорвать, и лететь закусив удила,
Вихлетта Ветаки!

Я останусь, осталась..

У этой земли я в полгу —
прежне века сносив, передам ей пареное тело...
Преломи же свой хлеб... Я поймать половину смогу
здесь, у волораздела.

Мы увидимся? — Нет. Разве в смертную злую пургу,
растворившую плоть, разносящую душу на хлопья... —
Чашу гнева приять или страны менять на жизни бегу —
равно — доблесть холопья.

Ты увидишь монгола в коровьей одеже по пят
и степных мудрецов, испытанных, горят ли божницы.
Отшатнется Рязань, закусив окровавленный плат,
и волчица придет в городище разбитом цениться.

В чем твое искупленье, земля? И отчизной затем
ты зовешься, что мелешь петей своих кости?
Ты — земля без конца, безобразное месиво тел,
но сияют глаза матерей у тебя на коросте.

И за то, что я тоже паду в этот стонущий прах,
и за то, что с рождения в сердце полынное семя,
дай мне только нажепу, прощальную соль на губах,
что не станешь ложиться лицом под татарское стремя!

Что болтаю? Какое мне дело до этих людей?
Отпусти меня, мать, позабуди меня, дай мне укрыться!
Только бы не упасть между этих могильных грудей
и водов подземной во чреве не колотиться!

.....

Сидят большие мужики,
их бороны клинообразны,
в глазах зигмуют светляки,
а руки праздно.

Концерт по радио. И он
надоедает.

Реденек тощих комаров
под лампой давит...
Смоленщина! В моей судьбе —
больные звенья:

ты чернолесье, ты любовь,
погост, где брат мой спит без снов,
и мать без утolenья.

.....

Силы прошу я и сердца без края.
Исподсозвано болью, сумело б заменить снести...
С каждым отъездом частица души стлетает,

не отлетая... Крошась, как крошка сухая,
все же прощает и слышн наше plea "прости".

Речи заемной прошу я — немецкой, английской,
русское слово plea слуха — что слезные яблоки глаз...
Что мне Москва? Слово в яме остылой и склизкой,
нету его. Сердце, выдай хомона Бориску,
чтобы судил его памяти тайный приказ.

Я попрошу о ночах без греха и о теле без плоти,
о неязвимом вовек-золоченом яичке сульби...
Вы же смогли? В ослепительном вашем полете,
к Лете припав, вы забвенье безгрешное пьете.
Как мне прожить на высокой нервующейся ноте,
как избежать и запоя, и вея, удавки, угарной изби...

Песни бедности.

3.

В.И.

Длотней, чем в смерть — в ночную тишину,
деревня отошла ко сну.
Движенья медленное в край,
где звезды каплют с высоты,
где вырастают страшные цветы,
в кровавых маках май.

Деревня медленно сползает в белый пар.
Качаются блестящие рога
коровы спящей. Влажный глаз телка
сморгнет звезды постылое сиянье,
и громче в нас ногами бормотанье
о том, что эта нищая земля
дала нам тело наше и поля.

Неслышно тронулись... плывет небесный путь,
телега прыгает поспешно в темноту,
и если скажут: "Родину забудь!",
не верь — ты не прошла последний путь
своей земли за мертвую черту.

Ступай, родимая... Пора покинуть нам
вдоль дневную, кануть в те края,
где претками настоена земля,
где кровь их бродит. Где трава ногам,
как вечный плен. Где жутким их богам
не в бельма заглянуть, но повалиться в ноги...
Стоятся наши хрупкие хребты,
чтоб вымостить царьградские пороги.

.....

Ничего не проси у страны — ни любви, ни суда.
Первородства души не оценишь ее чечевщей.
Сколько можно, несду непосильное бремя труда
соглядатая, очевидца.

Робкий шепот окраин, столиц заговорщический шум,
чуть колеблет и дразнит листья летописного свода,
но как тайный судья, соучастник судьбы, дуголом,
выносу на полях неизвестное слово "свобода".

Не возьму ни гроша. И ни капли вина не пролью
в причащеньи судьбы ко стыгу нерастраченной силы,
к нерожденной душе, к одиночеству в отчем краю,
к этой грязной бумаге, где жизнь изошла на чернила.

.....